Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании

ПОПОВА Анна Владиславовна, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент

125993, Россия, г. Москва, Ленинградский просп., 49

E-mail: anna0710@yandex.ru

Автор на основе анализа нормативных правовых актов, юридических документов и существующих теорий информационного общества и общества знаний ставит вопрос о необходимости скорейшего определения правового статуса новых субъектов общественных отношений — искусственного интеллекта и отдельных видов роботов. По мнению автора, дальнейшее развитие Российской Федерации неотделимо от развития общества знания на основе современных информационных технологий, в котором искусственный интеллект представляет собой необходимую базу для развития «умной» системы не только экономического, но и государственно-правового развития России на основе сочетания прорывных технологий и традиционных этических ценностей.

Цель исследования: на основе анализа теорий информационного общества и общества знаний, представляющих собой доктринальный базис нового типа правопонимания, доказать необходимость определения правового статуса искусственного интеллекта в зависимости от определенного этапа построения цифровой экономики в России. Показаны существующие различные научные позиции по вопросу определения места и роли роботов как субъектов современной правовой реальности. В частности, проанализированы трактовки искусственного интеллекта как квазисубъекта, цифровой личности, электронного лица, объекта правоотношений и др. Автор полагает, что необходимо законодательное закрепление различных видов правового статуса искусственного интеллекта в зависимости от его объективированной формы и ее характеристик.

Методология исследования заключается в использовании герменевтики, приемов толкования юридических текстов и формально-логического инструментария при системном анализе нормативных правовых актов и технических стандартов, а также научных трудов представителей исследуемых доктрин.

Сделан вывод о необходимости принятия законодательства об искусственном интеллекте в целях реализации Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и Стратегии развития цифрового общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы для создания общества знания на основе развития цифровых технологий, способствующих качественному улучшению жизни человека.

Ключевые слова: информационное общество, общество знания, цифровая экономика, искусственный интеллект, субъект права, объект права.

New Subjects of the Information Society and the Knowledge Society: To the Question of Legal Regulation

A. V. POPOVA, professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, candidate of philosophical sciences, associate professor

49, Leningradsky ave., Moscow, Russia, 125993

E-mail: anna0710@yandex.ru

The author, based on the analysis of normative legal acts, legal documents and existing theories of the information society and the knowledge society, raises the question of the need for early determination of the legal status of new subjects of social relations — artificial intelligence and certain types of robots. According to the author, the further development of the Russian Federation is inseparable from the development of the knowledge society on the basis of modern information technologies,

in which artificial intelligence is a necessary basis for the development of a «smart» system of not only economic but also state-legal development of the new Russia on the basis of a combination of breakthrough new technologies and traditional ethical values

The purpose of the study: based on the analysis of the theories of the information society and the knowledge society, which are the doctrinal basis of a new type of legal understanding, to prove the need to determine the legal status of artificial intelligence, depending on a certain stage of the digital economy in Russia. The existing various scientific positions on the issue of determining the place and role of robots as subjects of modern legal reality are shown. In particular, it analyses the interpretation of artificial intelligence as a quasisubject, digital identities, electronic, face, object relations etc. the Author believes that the need for legislative consolidation of various types of legal status of artificial intelligence depending on its objectified form and its characteristics.

The research methodology consists in the use of hermeneutics, methods of interpretation of legal texts and formal-logical tools in the systematic analysis of normative legal acts and technical standards, as well as scientific works of representatives of the doctrines under study.

It is concluded that it is necessary to create legislation on artificial intelligence in order to implement the program “Digital economy of the Russian Federation” and the Development strategy of the digital society in the Russian Federation for 2017—2030 to create the knowledge society based on the development of digital technologies that contribute to the qualitative improvement of human life.

Keywords: information society, knowledge society, digital economy, artificial intelligence, subject of law, object of law.

DOI: 10.12737/art_2018_11_2

Вступление России в эпоху пост-индустриального общества является необходимой реальностью, обусловленной не только развитием интернет-пространства, распространением информации, скоростной передачи данных, но и развитием цифровых технологий, нейронных сетей, киберфизических систем, искусственного интеллекта, способного к самообучению и решению конкретных поставленных задач. Цифровая экономика, представляющая основу нового технологичного общества, может быть представлена системой четырех взаимосвязанных трендов: «мобильные технологии, бизнес-аналитика, облачные вычисления и социальные медиа; в глобальном плане — социальные сети, такие как Facebook, YouTube, Twitter, LinkedIn, Instagram и проч.»¹.

Изменения в экономической сфере диктуют необходимость развития и социально-гуманитарной сферы, скорейшего преодоления все еще существующего отставания от зарубежных стран, лидирующих в обла-

сти цифровых технологий. Такое отставание объясняется отсутствием соответствующей системы российского законодательства, регулирующей общественные отношения в изменяющейся правовой реальности. Поэтому основной целью на современном этапе является «формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики)»². В современных условиях цифровизации общественных отношений право должно не столько закреплять уже сложившиеся социальные нормы, сколько предвосхищать их. Как отмечает Д. Л. Кузнецов, «в первую очередь, нужна правовая реформа, так как пока у нас право все время отстает и в роли догоняющего. Право должно быть прогностическим, и этого нужно добиваться... сейчас нужен новый инструментарий в области права, кото-

¹ Паньшин Б. Н. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. № 3. С. 17.

² Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Цифровая экономика Российской Федерации».

рый бы позволил регулировать рынок труда в цифровую эпоху»³.

Вопросы нормативного правового регулирования находятся в прямой зависимости от существующей объективной реальности, т. е. от существенных черт нового технологического общества. И здесь налицо определенное противоречие, связанное с их определением. В программных документах одновременно присутствуют два типа такого постиндустриального общества. Так, в Государственной программе «Информационное общество (2011—2020 годы)» перед российским обществом поставлена задача создания условий для развития *информационного общества* в Российской Федерации, приоритетными направлениями которого провозглашаются «повышение благосостояния, качества жизни и работы граждан, улучшение доступности и качества государственных услуг, повышение степени информированности и цифровой грамотности, развитие экономического потенциала страны с использованием современных информационных, телекоммуникационных и цифровых технологий»⁴. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы появляется уже понятие *общества знаний*, определяемое как «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации... Целями формирования информационного пространства, основанного на знаниях, являются обеспечение прав граждан на

объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора». При этом информационное общество, выступающее основой для формирования общества знаний, трактуется как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан»⁵.

Как мы видим из текста названных документов, понятия «информация» и «знание» подчас отождествляются. Однако верно ли это? Что представляют собой информационное общество и общество знаний в доктринальном плане? Как они соотносятся друг с другом? Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к теориям этих обществ.

Теория постиндустриального общества, которое принято называть информационным (цифровым), появилась во второй половине XX в., когда Ж. Фурастье, Э. Тоффлер, Д. Белл и другие мыслители создают ряд работ, в которых описывают подобное общество будущего. В самом общем виде постиндустриальное общество, по их мнению, предстает особой стадией государственного развития человеческой цивилизации, характеризующейся изменениями практически во всех сферах жизни современного общества, в первую очередь в технической и экономической. Авторы использовали трехстадийную историю развития человеческого общества, предложенную еще О. Контом в XIX в.⁶, но несколько изменив ее.

³ Кузнецов Д. Л. Цифровая экономика требует новой правовой реальности. URL: <https://law.hse.ru/news/203457824.html> (дата обращения: 07.07.2018).

⁴ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313.

⁵ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

⁶ О. Конт утверждал, что человечество проходит последовательно от теологической стадии, основанной на фетишизме, политеизме и монотеизме, к метафизической стадии с определенным типом религии.

По их мнению, цивилизация должна пройти следующие стадии: 1) аграрную (доиндустриальную); 2) индустриальную, основанную на машинном производстве; 3) постиндустриальную (информационную). На последней стадии, по мнению Э. Тоффлера, информация, которая отождествлялась им со знаниями, подчиняет силу и богатство и становится главным принципом существования всех общественных институтов и, в главном образом, государственной власти, что обуславливает необходимость владения информацией, контроля над информационными потоками со стороны тех, кто хочет обладать ею. Действительно, информация с конца XX в. начинает подменять собой практически все материальные ресурсы, становясь основным материалом для индивидов, свободно объединяющихся в ассоциации, а следовательно, меняет существо государственно-властных полномочий.

Именно этот факт обусловил широкое распространение и применение в государственной политике большинства стран теории постиндустриального общества в конце XX — начале XXI в. Однако реализация этой концепции все больше настораживает и вызывает озабоченность у довольно большого числа экспертов. Ученые предлагают задуматься над вопросом: что сегодня необходимо и важно для дальнейшего развития человечества: информация или знания? В связи с этим распространение получает теория общества знания, определение которому дал П. Друкер в книге «Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества». В работе «Постэкономическое общество» он определяет знание как силу, способную создавать новое общество: «Сейчас

мы можем говорить лишь о создании экономической системы на основе знания»⁷. В отличие от информационного общества, основанного на достижениях информационных технологий, общество знания подразумевает более широкие социальные, политические, этические параметры. Как отмечают Н. П. Лукина и Н. Н. Самохина, «в рамках концепции общества знания были сформулированы следующие приоритеты: более справедливая оценка существующих знаний для борьбы с цифровым, когнитивным и лингвистическим расколом, сформировавшимся в информационном обществе; более широкое участие заинтересованных лиц в решении вопроса равного доступа к знаниям; более успешная интеграция политических действий в области знания»⁸.

Таким образом, для концепции общества знания особенно значимым становится тезис о развитии у индивидов способности к творчеству, нуждающаяся в защите и поощрении. Поэтому задачей государственного управления становится создание условий для расширения прав и возможностей отдельной личности, которые могут реализоваться только в «пространстве интеграции, солидарности и участия»⁹. Значение приобретают не организация свободной передачи информации и гарантированность каждому индивиду права на доступ к информации, а предоставление возможности проверять эту информацию на достоверность, сопоставлять ее с иными видами информации, оценивать и осмысливать ее, используя общенаучную методологию, в целях создания и воспроиз-

⁷ Цит. по: Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 71.

⁸ Лукина Н. П., Самохина Н. Н. От информационного общества к обществам знания: теория и практика перехода // Гуманитарная информатика. 2013. Вып. 7. С. 22.

⁹ Там же. С. 23.

озно-нравственного правопонимания, а оттуда — к позитивной (промышленной или индустриальной) стадии в целях создания социократии. См. подробнее: Конт О. Курс положительной философии: в 6 т. СПб., 1900.

ведения каждым заинтересованным лицом системы новых знаний на основе полученной информации. Следовательно, на современном этапе глобализации информация и знание разнятся между собой, поэтому существует единственный путь для дальнейшего развития человечества создать общество знания как «синтез достижений информационного общества, экономики, основанной на знаниях, обучающегося общества, обучения для всех в течение всей жизни»¹⁰.

Сегодня перед Россией стоит глобальная задача создать систему нормативного регулирования как информационного общества, основой которого является цифровая экономика, так и общества знания. Стоит ли их разграничивать или необходимы единые правовые категории и институты? Прежде чем ответить на данный вопрос, необходимо определить новый субъектный состав таких возникающих общественных отношений, необходимость закрепления за ними правового статуса. На современном этапе социально-экономических отношений количество субъектов социальных, а следовательно, и правоотношений постоянно расширяется. Кроме известных и признаваемых в юриспруденции физических и юридических лиц, а также таких особых коллективных субъектов права, как государство, субъект федерации, народ и др.¹¹, в законодательстве ряда стран к числу субъектов права в отдельных сферах жизни общества причис-

лены Пачамама (Мать-Земля)¹², животные и растения¹³, а также роботы и киберфизические системы на основе искусственного интеллекта (далее — ИИ)¹⁴.

Как отмечают Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор, «в сфере правового регулирования появляются отношения, в которых если не субъектом, то как минимум участником становится новая цифровая личность — робот. В связи с этим на повестке дня остро стоит вопрос о новых подходах к правовому регулированию общественных отношений с участием роботов, юридическому оформлению в цифровую эпоху правосубъектности как типичных (физических и юридических лиц, государства и др.), так и нетипичных (роботов, а также информационных посредников, таких как провайдеры, блогеры и т. п.) субъектов и участни-

¹² См.: Конституция Республики Эквадор 20 октября 2008 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=178829 (дата обращения: 06.07.2018); Исследование по вопросу о необходимости учета и признания прав Матери-Земли Е/С.19/2010/4 // ООН, Экономический и Социальный Совет 15 января 2010. URL: <http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/E.C.19.2010.4%20RU.pdf> (дата обращения: 06.07.2018) и др.

¹³ Подробнее см.: *Попова А. В., Абрамова М. Г.* Природа природы и онтология человека: к вопросу о новых субъектах права // *Российский журнал правовых исследований*. 2017. № 1. С. 54—63.

¹⁴ См.: Закон Южной Кореи «О содействии развитию и распространению умных роботов» (2008); “France Robots Initiatives” (Инициативы Франции в сфере робототехники) (2013); Азиломарские принципы искусственного интеллекта (США, 2017); Восьмой закон ФРГ о внесении изменений в Закон о дорожном движении (2017); Закон Эстонии о роботах-курьерах (2017); Резолюция “Civil Law Rules on Robotics” (2015/2103(INL)) (Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники (2017.06)); План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения Китая (2017).

¹⁰ *Лукина Н. П., Самохина Н. Н.* Указ. соч. С. 25.

¹¹ Подробнее см.: Проблемы общей теории государства и права / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2004; *Комаров С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. 9-е изд. М., 2018; *Самылов И. В.* Понятие и система коллективных субъектов права // *Вестник Пермского государственного университета*. Серия: Юридические науки. 2009. Вып. 4 (6). С. 25—32.

ков правоотношений»¹⁵. Перед российским законодателем стоит задача определить статус таких новых субъектов права. Кто они: цифровая личность, электронное лицо, объект или субъект права? По каким критериям нам предстоит его определить? Рассмотрим существующие сегодня подходы к определению их правового статуса.

Одной из первых в юридической науке появляется точка зрения об определении роботов как объектов правовых отношений по аналогии с животными, основанием чего следует считать отсутствие у тех и других возможности возложения на них юридической ответственности. Е. Ф. Евсеев на основании того, что у животных есть собственная воля в совершении действий, полагает необходимым определять их как одушевленную вещь¹⁶. Подобный подход может быть отождествлен с определением правового положения раба в Древнем мире или холопа в Древнерусском государстве, однако на современном этапе развития права подобный статус вызывает серьезные нарекания. В. В. Архипов и В. Б. Наумов возражают против такой постановки вопроса, обосновывая это тем, что роботы не являются одушевленными существами, поэтому «могут рассматриваться как особый вид имущества — имущества, способного к автономным действиям»¹⁷. При этом особое значение приобретает вопрос о наличии воли и возможности осуществления волевых действий у ИИ. Даже если предло-

жить их существование, то возникает вопрос: чья эта воля? Программиста, владельца этих роботов или их самих, способных самостоятельно отбирать информацию из виртуальных сетей и на основе ее анализа и синтеза принимать конкретные решения?

Другие авторы предлагают соотнести ИИ и созданные на его основе роботы с юридическим лицом как «искусственно сконструированным субъектом права», но не в объективной, а в виртуальной реальности. Так, Э. Кастронова соотносит понятие «интеррация» (создание определенного статуса в виртуальной реальности) с процессом создания юридического лица в правовой реальности: «Юридический акт создает фиктивное лицо (юридическое лицо. — А. П.)... Аналогичный юридический акт интеррации имел бы схожую цель: создание фиктивного пространства... определенное уставом интеррации синтетического мира. Такой устав мог бы... прояснить юридический статус событий, происходящих в таком мире, и имущества, которое в нем накапливается... мог бы определить права людей, выступающих в различных ролях, таких как разработчики, пользователи и те, кто находится за пределами такого мира»¹⁸. Поэтому ИИ и отдельные виды роботов могут быть внесены в особые реестры, наподобие реестров юридических лиц, как искусственно созданные человеком субъекты права.

Современное интернет-пространство, вхождение человека в виртуальный мир предполагает определенную дихотомию правового положения индивида, заключающуюся в его существовании в гибридной реальности¹⁹. Ведь индивид, создающий в виртуальной цифро-

¹⁵ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в эпоху цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85—102.

¹⁶ См.: Евсеев Е. Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2. С. 23—26.

¹⁷ Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157—170.

¹⁸ Цит. по: Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч.

¹⁹ См.: Чеклецов В. В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек — машина». URL: <http://ecologyofthinking.ru/>

вой реальности собственный аватар, предстает одновременно в двух правовых ипостасях: как физическое лицо в национальном или международном правовом пространстве и как цифровая личность — искусственно созданное лицо в материальном и «синтетическом» мире. Технологизация «человеческой» природы, в том числе с помощью НБИКС-технологий, представляющих собой конвергентное взаимодействие нано-, био-, информационных, когнитивных²⁰, социальных технологий, безусловно, изменяет и правовой статус индивида.

Как отмечает В. В. Чеклецов, по мере воздействия технологий на тело, границы живого и неживого размываются, возникает «философская рефлексия растущей тотальной межсвязности, панкоммуникации, техно-социо-культурного размытия границ между цифровым и “материальным” бытием, когда артефакты обретают память, среда учится чувствовать, а материя становится по-настоящему разумной и программируемой»²¹. Происходит не только «оразумнивание сред за счет обретения элементами среды цифровой индивидуальности (RFID-метки, коды), памяти (RFID, проникающий компьютеринг), вычислительных, перцептивных, коммуникативных свойств (сети беспроводных сенсоров, сопряженных с Интернетом)», но и «персонализация

сред — за счет роста способности элементов среды “узнавать” субъекта (распознавание образов, RFID-биочипы, сенсоры, биоидентификация, GPS, геотаргетинг и т. д.)»²². Подобные явления означают возможность определения ИИ и отдельных видов роботов как особого рода цифровых личностей.

Широко обсуждается научная позиция о возможности определения отдельных видов роботов как квазисубъектов права. Так, Д. С. Гришин, предложивший законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники», предлагает ввести легальное определение робота-агента: «Робот, который по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. Робот-агент имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. В случаях, установленных законом, робот-агент может выступать в качестве участника гражданского процесса»²³.

Правоспособность робота-агента возникает только при регистрации модели такого робота в специально созданном едином государственном реестре роботов-агентов и с момента публичного заявления его собственника о начале его функционирования в таком статусе. При этом ответственность за действия робота-агента в пределах находящегося в их собственности имущества, переданного во владение и

slyder-na-glavnoy/5248.html (дата обращения: 07.07.2018).

²⁰ См., например: Данилин И. В. Конвергентные (НБИК) технологии: проблемы развития и трансформационный потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. Т. 17. С. 555—567. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-555-567; Асеева И. А., Пащенко Н. Е. НБИК-технологии в инновационной цивилизации: проблемы формирования общественного мнения // Сетевой научно-практический журнал. 2014. № 1. С. 36—35.

²¹ Чеклецов В. В. Указ. соч.

²² Чеклецов В. В. Указ. соч.

²³ Dentons разработала первый в России законопроект о робототехнике. URL: <https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2017/january/27/dentons-develops-first-robotics-draft-law-in-russia> (дата обращения: 30.05.2018).

(или) пользование робота-агента, несут собственник и владелец робота-агента²⁴. Г. А. Гаджиев отмечает, что определение правового статуса «робота-агента можно будет в будущем, когда возникнут реальные предпосылки наличия у них интеллекта, т. е. сознания и воли в их юридической, а не психологической интерпретации, признать “как бы субъектами права” (квазисубъектами)»²⁵.

Европейский Союз (далее — ЕС) предлагает определять промышленных роботов как электронных личностей, труд которых используется работодателями в различных областях жизнедеятельности человеческого общества и способных помогать человеку в его пути к обществу всеобщего благоденствия. Поэтому их следует определять как участников трудовых и налоговых правоотношений, и ЕС ставит вопрос об их налогообложении наряду с физическими и юридическими лицами. При этом авторы резолюции “Civil Law Rules on Robotics” (2015/2103(INL)) (Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники (2017.06)) (далее — резолюция ЕС) уделяют особое внимание необходимости создания правовых норм, определяющих ответственность третьих лиц (производителей, операторов и др.) за действия или бездействие роботов, объясняя это все большей автономностью их деятельности.

В пункте 1 «Общих положений, касающихся развития робототехники и искусственного интеллекта для гражданских нужд» отмечается, что необходимо определить существенные черты таких явлений, как «киберфизические системы», «автономные системы», «умные автономные роботы» и их составляющих.

²⁴ Dentons разработала первый в России законопроект о робототехнике.

²⁵ Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15—30.

Как мы видим, в большинстве предложения о нормативном регулировании роботов, робототехники, киберфизических систем, ИИ находятся в плоскости цифровой экономики и цифрового общества как нового этапа научно-технической революции. А где же общество знаний, к которому еще в 2005 г. во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знаний» ученые из разных стран призывали как можно быстрее переходить от информационного общества?

Как известно, на Востоке с древних времен особое значение придается нравственному развитию человека. Знание постулатов конфуцианства и наизусть книги «Лунь Юй», содержащей морально-нравственные догмы жизни человека в семье, обществе и государстве, является обязательным для каждого китайца. Поэтому неслучайно в принятом в Китае в 2017 г. Плане развития технологий искусственного интеллекта нового поколения²⁶ отмечается, что «искусственный интеллект несет в себе возможность лучшего устройства общества... Технологии искусственного интеллекта позволяют с высокой точностью выявлять потенциальные угрозы общественной безопасности, вовремя предупреждать о таких угрозах и оперативно принимать необходимые меры. Это позволит улучшить жизнь людей и повысить уровень социальной стабильности»²⁷.

Показательно, что ИИ, способный к обучению («умные роботы», «умные» транспортные средства,

²⁶ URL: http://gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 21.05.2018) (на кит. яз.). Перевод на русский язык см.: План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения / Документ (Гуо Фа) [2017] № 35 // Дайджест Робоправа. 2018. Апрель. С. 122—138.

²⁷ План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения / Документ (Гуо Фа) [2017] № 35. С. 125.

средства связи и др.), к 2030 г. должен стать основанием для создания «умного общества», «умной экономики» («умных» промышленности, сельского хозяйства, финансов, бизнеса и др.), «умного» образования и «умной» медицины, «умного» правительства и «мудрого» суда, которые напрямую ассоциируются с обществом знания, где главными действующими лицами останутся люди и их объединения, в то время как в цифровом обществе ИИ может быть также представлен в роли субъекта наряду с физическими и юридическими лицами.

Знание представляет собой оценочную, морально-нравственную категорию, в то время как информация с этой точки зрения нейтральна, поэтому овладеть подлинным знанием может только человек, а получать информацию и ее анализировать подвластно и «бездушной» машине. Именно поэтому главной задачей правового регулирования ИИ является обязательное установление этических норм и юридической ответственности. Это признается и в Западной Европе, ведь категорический императив И. Канта «будь лицом и уважай других в качестве лиц» является основой для существования современного западноевропейского социума, его либерального толерантного правосознания. Так, п. 10—14 резолюции ЕС напрямую посвящены необходимости учета этических принципов в процессе создания, программирования и дальнейшего взаимодействия людей и роботов в процессе деятельности. В соответствии с Этическим кодексом разработчиков робототехники (приложение к резолюции ЕС) лица, спонсирующие развитие ИИ, должны заранее предусмотреть возможные риски по отношению к человеку, его жизни, здоровью и т. д. Исследователям данной области предлагается руководствоваться такими принципами, как «не навреди»; «делай благо»; самостоятельность в принятии индивидом решения о со-

трудничестве с объектами робототехники; справедливость при распределении социальных благ, создаваемых роботами внутри социума. Поэтому исследования и разработки в области сверхинтеллекта должны осуществляться в соответствии с правами человека в целях его благосостояния и самоопределения как отдельного индивида, так и общества в целом, в целях достижения максимальной пользы при минимальном вреде. И главное — запрещается использовать роботов в любых целях, противоречащих морально-этическим и правовым нормам и стандартам, так как человек — это хрупкое создание как физически, так и психологически²⁸.

Действующий с 1 января 2016 г. в России ГОСТ Р ИСО 8373-2014 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения» идентичен международному стандарту ИСО 8373:2012 «Роботы и роботизированные устройства. Термины и определения». В ГОСТе определены следующие виды роботов: промышленный робот; обслуживающий робот (профессиональный промышленный робот); обслуживающий робот для профессионального использования, персональный обслуживающий робот; обслуживающий робот для персонального использования; обслуживающий робот, используемый для выполнения коммерческих работ; мобильный робот; робот для совместных работ, а также робототехнические устройства — манипулятор; роботизированное устройство; промышленная робототехническая система; робототехническая система; робототехника; промышленная роботизированная линия; промышленный роботизированный модуль. При этом

²⁸ См.: Европарламент 16 февраля 2017 г. — Civil Law Rules on Robotics (2015/2103 (INL) = Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники (2017.06) / пер. А. Незнамова. URL: robopravo.ru (дата обращения: 20.05.2018).

данные понятия определяются с позиции технологического подхода, в то время как легальных определений пока не существует.

На наш взгляд, отсутствие нормативного закрепления основных характеристик видов роботов, самого ИИ не позволяет точно определить их правовой статус. Очевидно, что роботизированное устройство или промышленная роботизированная линия является безусловным объектом гражданско-правовых отношений, в том числе права интеллектуальной собственности, а вот промышленный робот, робот-агент, обслуживающий робот в зависимости от использования в нем ИИ может быть и особым субъектом права с ограниченной правоспособностью. В настоящее время развитие ИИ находится на таком этапе, что позволяет говорить о возможности его широкого использования в частно-правовых и публично-правовых отношениях, что актуализирует скорейшее создание принципиально новой нормативной правовой базы и внесение соответствующих изменений практически во все отрасли российского законодательства. Уже

сегодня есть гуманоид (Фран Пеппер) и гиноид София с удостоверениями личности, обладающие определенными правами и свободами наряду с человеком. Судя по скорости развития цифровых технологий, в ближайшем будущем каждый из нас сможет использовать персональных помощников с ИИ, способных от нашего имени совершать действия правового характера. А это потребует соответствующей адаптации всех правоприменительных и правоохранительных систем.

Дальнейшее развитие Российской Федерации неотделимо от развития общества знания на основе современных информационных технологий, когда искусственный интеллект представляет собой необходимую базу для развития «умной» системы не только экономического, но и государственно-правового развития новой России путем сочетания прорывных новых тенденций и традиционных этических ценностей. Поэтому определение правового статуса ИИ как нового субъекта правоотношений является насущной необходимостью.

Библиографический список

Dentons разработала первый в России законопроект о робототехнике. URL: <https://www.dentons.com/ru/insights/alerts/2017/january/27/dentons-develops-first-robotics-draft-law-in-russia>.

Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5.

Асеева И. А., Пашенко Н. Е. НБИК-технологии в инновационной цивилизации: проблемы формирования общественного мнения // Сетевой научно-практический журнал. 2014. № 1.

Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1.

Данилин И. В. Конвергентные (НБИК) технологии: проблемы развития и трансформационный потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. Т. 17. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-555-567.

Европарламент 16 февраля 2017 г. — Civil Law Rules on Robotics (2015/2103 (INL) = Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники (2017.06) / пер. А. Незнамова. URL: roboправо.ru.

Евсеев Е. Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2.

Исследование по вопросу о необходимости учета и признания прав Матери-Земли E/C.19/2010/4 // ООН, Экономический и социальный Совет 15 января 2010. URL: <http://www.un.org/esa/socdev/unpfii/documents/E.C.19.2010.4%20RU.pdf> и др.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.

Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. 9-е изд. М., 2018.

Конституция Республики Эквадор 20 октября 2008 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=178829.

Конт О. Курс положительной философии: в 6 т. СПб., 1900.

Кузнецов Д. Л. Цифровая экономика требует новой правовой реальности. URL: <https://law.hse.ru/news/203457824.html>.

Лукина Н. П., Самохина Н. Н. От информационного общества к обществам знания: теория и практика перехода // Гуманитарная информатика. 2013. Вып. 7.

Паньшин Б. Н. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. № 3.

План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения / Документ (Гуо Фа) [2017] № 35 // Дайджест Робоправа. 2018. Апрель.

Попова А. В., Абрамова М. Г. Природа природы и онтология человека: к вопросу о новых субъектах права // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1.

Проблемы общей теории государства и права / под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2004.

Самылов И. В. Понятие и система коллективных субъектов права // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2009. Вып. 4 (6).

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в эпоху цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

Чеклецов В. В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек — машина». URL: <http://ecologyofthinking.ru/slayder-na-glavnoy/5248.html>.